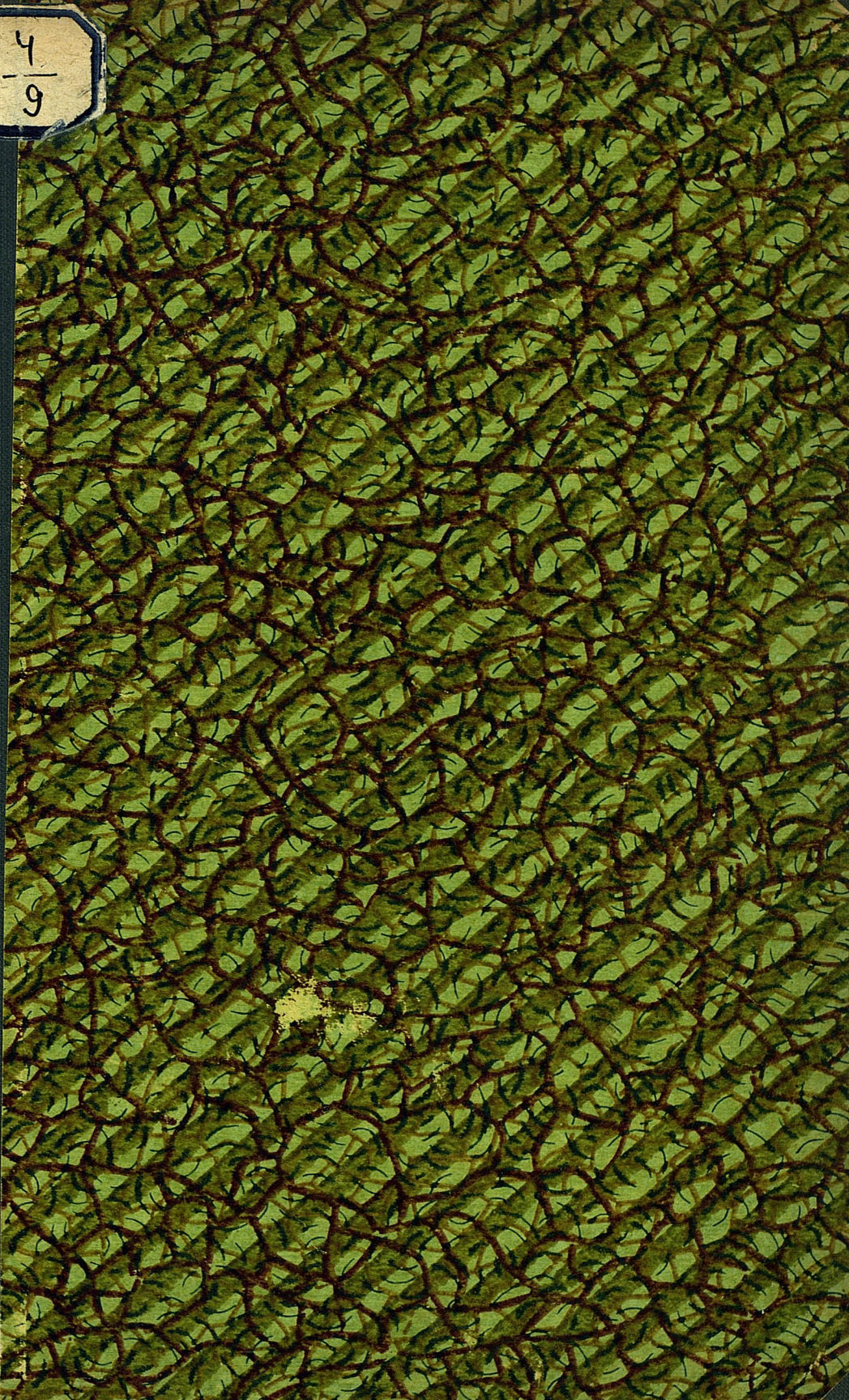
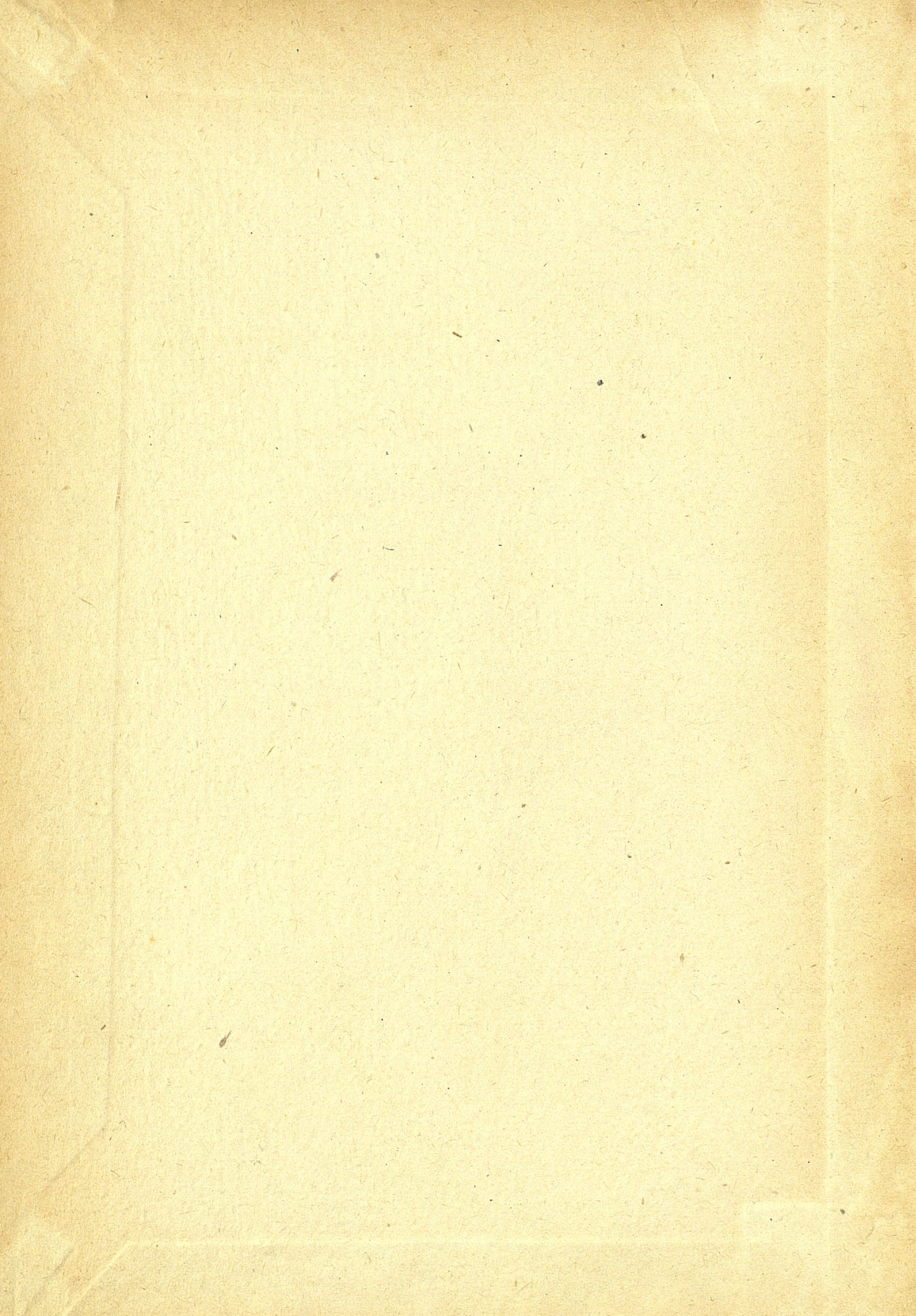
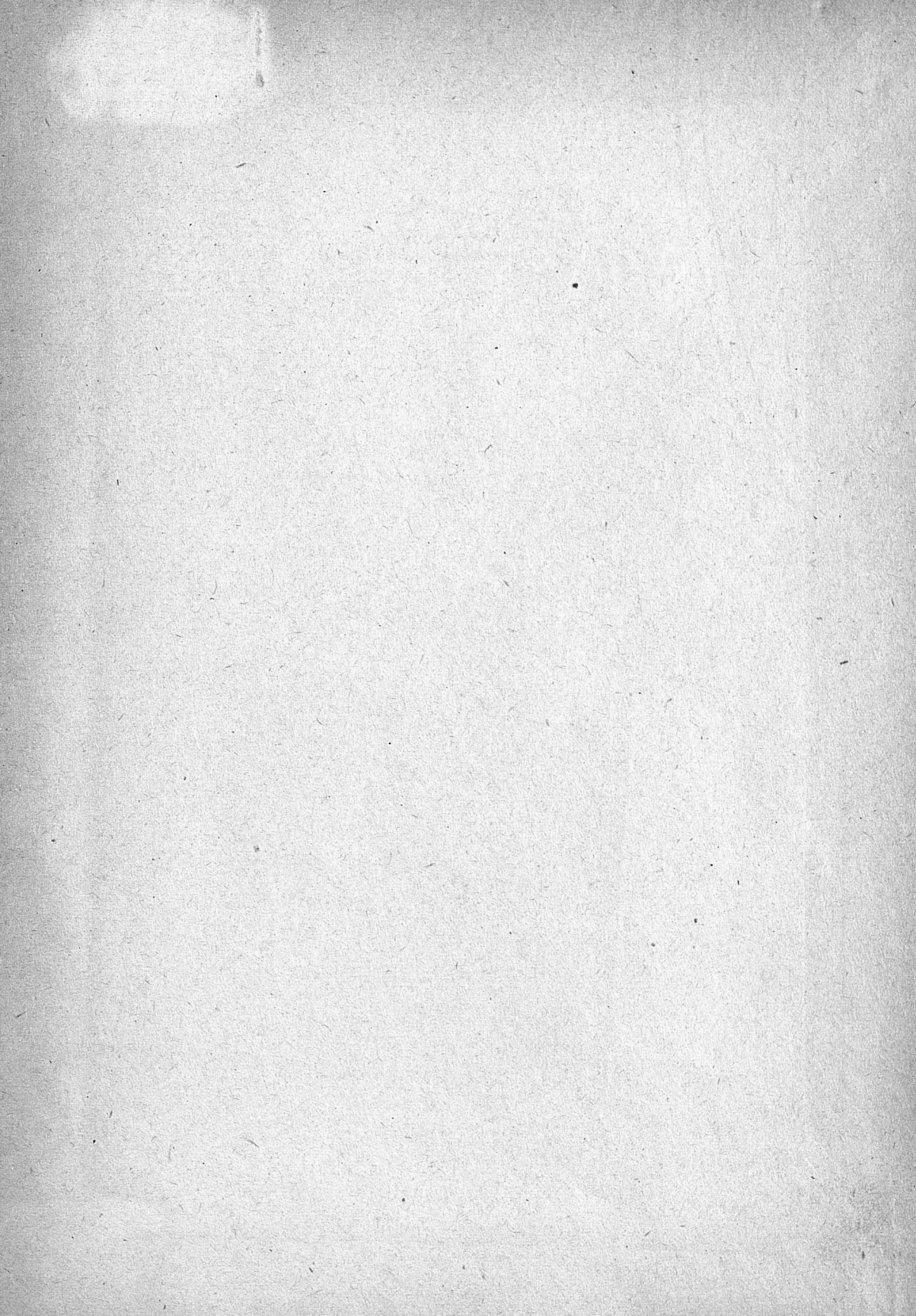
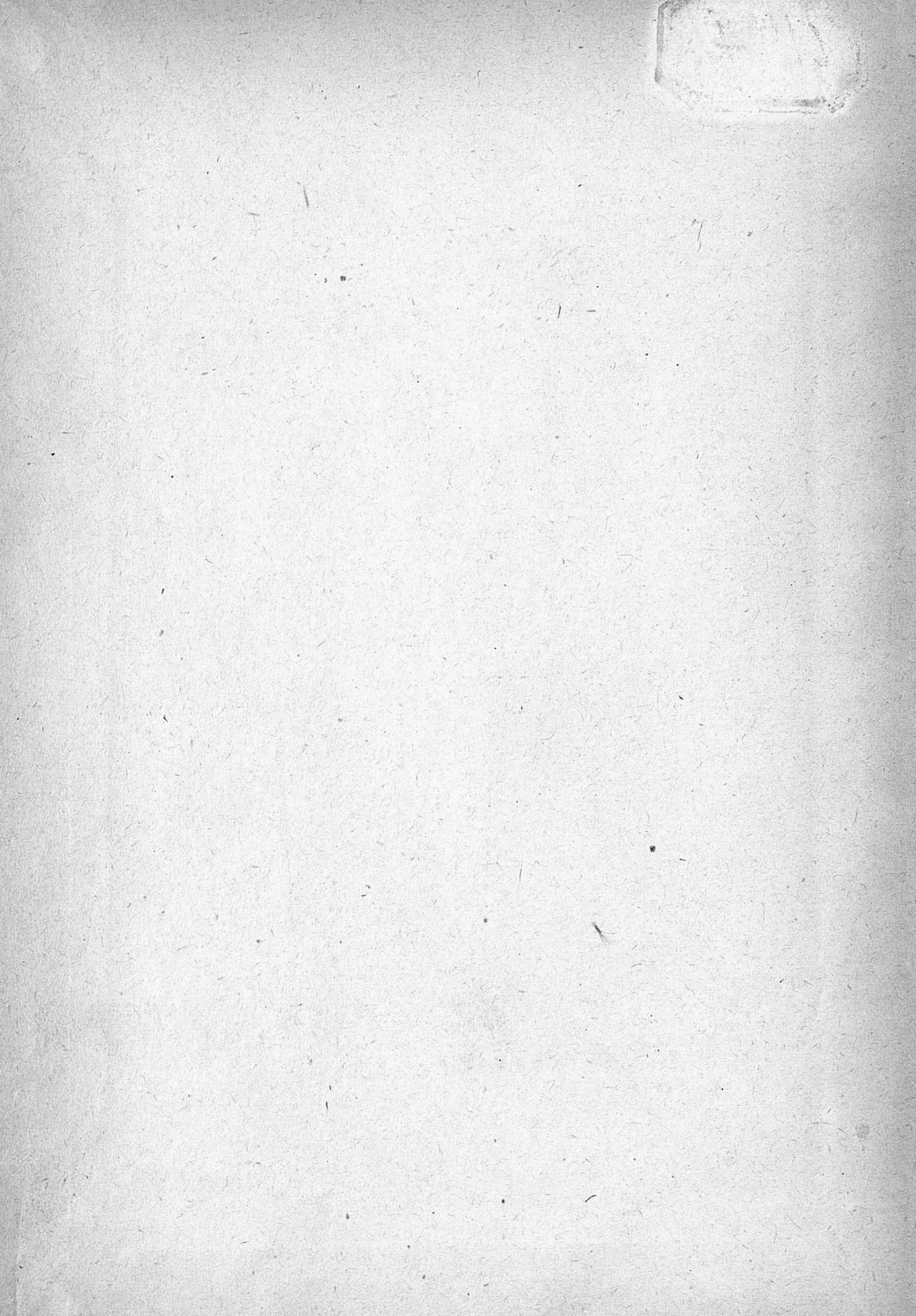

214 $\frac{4}{9}$

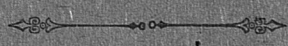

214 $\frac{4}{9}$

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

— К О Т К Р Ы Т И Ю —
X

**Областного Калмыцкого
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.**

Издание Ц. И. К. Автономной Калмыцкой Области.

1987

Государственное Издательство. Астрах. Губ. Отд.

АСТРАХАНЬ.

Типография № 8 Совнархоза.

1921 г.

Содержание:

1. **В. П. Порох** — Работникам просвещения Автономной Калмыцкой Области.

2. **Н. Н. Пальмов**—Несколько слов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжение своей исторической жизни.

3. **П. К. Богдзевич**—Задачи Исторического Отделения в Областном Калмыцком Музее.

4. **С. П. Сахаров**—Этнографическое Отделение в Областном Калмыцком Музее.

4. **Н. Н. Пальмов**—О некоторых памятниках калмыцкой старины и искусства.

6. Приказ Отдела Образования от 25 марта 1921 г.

2144/9

Работникам просвещения Автономной Калмыцкой Области.

Человеческая культура насчитывает много веков своего существования. Историческая наука знает Эгейскую культуру, культуру древних народов Востока и Античную культуру, на смену которым пришла Европейская культура.

Известна и другая ветвь культурного развития человечества; современные Индусы, Китайцы и Монголы обладатели и наследники не менее древней культуры, чем европейцы.

Весь путь развития человечества на протяжении многих тысячелетий характеризуется одним не умиравшим никогда стремлением понять и разгадать тайны природы, тайны бытия.

Египтяне, ассиро-вавилоняне, индусы, китайцы, греки, средне-вековые монахи и алхимики, современные ученые— все заражены духом искания.

Тернист путь культурного развития, он полон заблуждений и ошибок. Порой лучшие представители человечества, чьи имена мы свято чтим, кончили свою жизнь на костре. Религиозным фанатикам, сжигавшим провозвестников новых идей, казалось, что в пламени огня хоронятся навсегда и идеи...

Колесница истории безостановочно совершала свое движение.

Народы сменяли народы, лицо изменялось земли. Но идеи, великие открытия и истины не умирали. Наука ширилась и углублялась. Жалкий червь земли—человек—своим умом постигал все новые и новые законы природы, разгадывал одну тайну за другой.

Область современного человеческого знания так велика, что ни один человек не может обнять своим умом все раз-

ветвления только одной науки (математики, физики, ботаники...).

Разгадав многое, человек меньше всего понимает законы, истории, те пути, по которым движется развитие человеческого общества.

История земли (геология) располагает более достоверными данными, чем история народов.

Для истории народов нужны прежде всего и больше всего документы, факты, предметы и памятники, характеризующие занятия, быт, художественные запросы и культурное развитие.. Тот, кто собирает все это, оказывает науке и человечеству великую услугу. Он тем самым становится служителем той прекрасной богине, имя которой наука.

Для нас, работников Прос. сщения Калм. Области, открывается особенно широкая возможность служить науке. Мы живем среди народа, на судьбах которого сказались перекрестное влияние двух культур: восточно-азиатской и европейской.

Мы живем среди народа-кочевника, который в Европу пришел как грозный завоеватель и который переживает переломный момент (переход к оседлости, утрата народной поэзии).

Многие волнующие науку вопросы могут быть выяснены, если будет собран большой фактический материал для истории Калмыцкого Народа.

С этой точки зрения все культурные работники должны оценивать организацию Областного Калмыцкого Историко-Этнографического музея.

Мы должны памятовать, что каждый день и каждую неделю уничтожаются пределы огромной исторической важности, относящиеся к прошлому калмыцкого народа. Нужно торопиться, чтобы не погибло слишком многое от времени и безжалостной руки человека.

Наша помощь музею—даже самая скромная, самая незначительная—будет великой услугой науке. Глубоко верю, что никто из учителей и вообще культурных работников не откажется стать служителем науки. Полный не только надеж-

ды, но и непоколебимой уверенности в успех дела при вашей дружной помощи, я обращаюсь к вам с призывом служить науке, с призывом своей любящей рукой собирать и беречь все, что вам покажется ценным и необходимым для музея.

Завед. Областн. Отделом Образования **Василий Перох.**

25 марта 1921 г.

Несколько слов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжении своей исторической жизни.

История калмыцкого народа, населяющего теперь степи по низовьям Урала, Волги и Дона, а также—по течению Маныча весьма мало разработана. Авторы, которым приходится касаться истории калмыцкого народа, в большинстве случаев обращаются к тем общим и довольно скудным сведениям, которые даны в трудах известного синолога, монаха Иакинфа Бичурина—„Историческое обозрение Ойратов, или Калмыков“ и Н. Нефедьева—„Подробные сведения о Волжских Калмыках, собранные на месте“. Первый труд вышел в свет в 1833 году, второй—в 1834 году. Помимо недостаточности в содержании, оба названные исторические труда, почтенные для своего времени, представляют сейчас библиографическую редкость, не всегда доступную даже для специалистов, и этим, вероятно, надо объяснить отсутствие извлечений из трудов Иакинфа и Нефедьева в недавнем, 1910 года, большом Астраханском издании: „Миссионерский сборник статей и заметок о Калмыках и Киргизах, кочующих в Астраханской губернии“, где история калмыцкого народа изложена крайне бледно, всего на шести страницах. Немаловажным препятствием к пользованию трудами Иакинфа и Нефедьева является устарелый литературный их стиль,—присяжные историки могут с этим мириться, но написанная устаревшим языком история, конечно, не привлечет к себе внимание широкого круга читателей. Новая эра жизни, в которую вступает калмыцкий народ, получивший автономию, выдвигает вопрос о полной и научной истории этого народа, и надо горячо приветствовать такие меры, предпринятые уже

в данном направлении Областным Отделом Калмыцкого Народного Образования, как объявление конкурса на работу по собранию исторических актов и документов, имеющих послужить материалом для будущей истории калмыцкого народа, и учреждение Историко-Этнографического Музея, куда будут собираться и где будут храниться письменные и вещественные памятники протекшей жизни калмыцкого народа, в практических и научных целях.

Если недостаточны печатные сведения по истории калмыцкого народа, то совершенно не затронута научной разработкой его материальная культура. Между тем, по многим соображениям, она заслуживает серьезного внимания.

Калмыцкий народ принадлежит к монгольской расе. Его предки с древних времен обитатели за Уральскими горами, на Восток. Угроза национальной и политической независимости монголам со стороны Китая во времена династии Минг, воцарившейся в Китае с 1368 года, по свержении татарско-монгольской династии Юан, заставила объединиться четыре монгольских рода: Джунгарский, Дурботский, Торготский и Хошотский в союз «четырех соединенных», Дербен-Ойратов, с владетелем Джунгарии во главе. Именем Джунгарии стала называться вся местность, занятая Дербен-Ойратами, к Юго-Востоку от нынешней Сибири, за Алтайским хребтом. В начале XVI века среди Дербен-Ойратов возникают несогласия, имевшие последствием выделение из союза значительной группы, откочевавшей сначала на север, к пределам нынешней Томской губернии и Енисейской области, но затем подавшейся на юго-запад, к нынешней Оренбургской губернии. Эта выделившаяся из союза «четырех соединенных» монгольская группа и составляет основное ядро калмыцкого народа, осевшего в первой четверти XVII столетия на юго-восточных окраинах тогдашнего русского государства, до которых достигла в поисках новых земель для обитания. У Дербен-Ойратов отложившаяся от союза группа получила кличку элет, что значит „отпавшие“, „отделившиеся“ или „ушедшие“. Татары перевели Элет равнозначущим словом „калмык“. Под этим именем выходцы из Джунгарии стали всюду известны по России, и название калмыков навсегда осталось за ними. История сохранила имена калмыцких владетелей, под предводительством которых калмыки впервые вошли в русскую

кому Народу, расселенному в степях Астраханской и Ставропольской губернии, а также Областей войск Донского и Уральского, с просьбой жертвовать в Музей все, что является, хотя бы и в малой степени, исторически ценным и характерным для прошлого и настоящего Калмыцкого Народа.

Прежде всего, интересно знать его религиозные верования и религиозные обряды, поскольку те и другие выражаются в вероучительных книгах и в культовой практике. Необходимо составить собрание таких книг, как и собрание предметов культа, в виде икон, божков, одежд священнослужителей, хурульной утвари, в особенности старинных.

Частная жизнь калмыка сказывается в предметах, употребляемых в повседневной его жизни. Кибитка с ее обстановкой и украшениями, одежды калмыков, обыкновенные и праздничные, женские уборы, вышивки, рукоделья, посуда, ковры, конская сбруя, охотничьи принадлежности, старинные предметы роскоши, как серьги, браслеты, кольца, ожерелья и т. п., все это весьма ценный и крайне необходимый материал для Музея.

Нечего смущаться, если известная вещь окажется сильно изношенной, исковерканной и почти совершенно разрушенной. Непригодная для житейского употребления, она найдет свое место в Музее раз компетентными лицами при Музее будет установлена важность и ценность вещи с научно-этнографической точки зрения. Поэтому, каждый калмык, поняв важность своего Музея, пусть осмотрит свои старинные, завалявшиеся вещи и выберет из них все, что можно прислать в Музей. Старинная вещь может быть заменена новой; при невозможности замены, за старинную вещь владелец ее может назначить цену, и Музей уплатит ее.

Секция по созданию Музея питает надежду, что Калмыцкий Народ откликнется на призыв к обогащению Музея предметами калмыцкой старины и искусства. При поступлении в Музей, они станут общим достоянием Калмыцкого Народа, будут здесь заботливо оберегаться и, в установленные часы, будут открыты взорам всех, кто интересуется прошлым и настоящим Калмыцкого Народа.

Заведывающий Этнографическим отделением
Музея С. Сахаров.

О некоторых памятниках калмыцкой старины и искусства.

При ознакомлении с печатными источниками по истории калмыцкого народа, мне встретились указания на некоторые памятники старины, имеющие столько же историческое значение, сколько и художественное. Считаю нелишним поделиться сведениями об этих памятниках с читателями этих строк в надежде, что, может быть, кому-нибудь известно о местонахождении их в настоящее время, и есть возможность доставить их, тем или иным способом, в Областной Калмыцкой Историко-Этнографический Музей.

1. Около 1690 года тибетский Далай-Лама прислал правителю калмыцкого народа Аюке ханскую печать—цоло, которую Аюка стал прикладывать к официальным документам в знак своего ханского достоинства. Этою печатью Аюка пользовался до 1713 года. В этом году Аюка об'явил своим наследником старшего сына Чакторжапа и вручил ему ханскую печать от Далай-Ламы, сам же стал употреблять новую какую то другую печать. В 1722 году Чакторжап умер, завещав все наследственные права старшему сыну Дасангу, которому передал и ханскую печать. Аюка тогда был еще жив. Поступок Чакторжапа не нашел сочувствия у Аюки,—Аюка прочил в преемники себе одного из оставшихся у него двух сыновей, Церен-Дондока и направил войска против Дасанга. Но ни Церен-Дондок, ни Дасанг ханства не получили. Когда Аюка в 1724 году умер, русское правительство признало в ханском достоинстве сначала Дорчжу Назарова, родственника Аюки, а затем, по отказе Дорчжи Назарова от ханства, утвердило Церен-Дондока, но пока только с титулом наместника калмыцкого ханства. Утвержденное Церен-Дондока в ханских правах последовало лишь в 1731 году. Остается неизвестным, перешла ли печать—цоло от Дасанга в Церен-Дондоку, или русское правительство выдало Церен-Дондоку другую печать. Неизвестно точно также, какая судьба постигла второй экземпляр печати, находившийся в распоряжении Аюки до самой его смерти, и что это была за печать.

Если калмыцкие ханы, следовавшие за Церен-Дондоком: Дондок-Омбо (умер в 1741 году) и Дондок-Даша (умер в 1761 году) и наместник ханства Убаша пользовались одною и тою же пе-

чатку от русского правительства, данною Церен-Дондоку, то возможно, что с уходом Убаши и калмыцкого народа в Джунгарию в 1771 году увезена была из России и печать калмыцкого ханства. При невозможности отыскать эту печать, как и печати Люки, остается возстановить изображения на них и надписи по оттискам печатей на официальных бумагах XVII и XVIII веков, исходивших от калмыцких ханов и наместников.

По упразднении ханства и наместничества, управление калмыцким народом в пределах Калмыцкой степи перешло к владельцам улусов—нойонам, действовавшим под контролем местных русских властей. Владельцы улусов имели для своих родов особые тамги—тавра, которыми пользовались, повидимому, как тоже своего рода печатями. К. И. Костенков, в „Статистическо-Хозяйственном Описании Калмыцкой степи“ (СПб. 1868), собрал значительное число владельческих знаков разнообразных рисунков, но объяснений им не представил. Было бы весьма важно проверить рисунки Костенкова и дать им соответствующие объяснения.

С 1800 года Калмыцкое наместничество было восстановлено, хотя и не на долго. Чучей, возведенный в наместники ханства в 1800 году, умер в 1807 году, и после того наместников уже не стало. Неизвестно, имел ли Чучей особую печать. Но национальный калмыцкий суд—Зарго, восстановленный в 1800 году и продолжавший действовать еще долго по окончательном упразднении наместничества, в 1828 году получил, при особой грамоте императора Николая I калмыцкому народу, золотую печать, которая хранилась при суде Зарго в г. Енотаевске. Сохранилась ли эта печать, и если сохранилась, то—где она?

2. При возведении Церен-Дондока в ханское достоинство, ему была вручена, при соответствующей торжественной обстановке, грамота от императрицы Анны Иоановны, от 17 февраля 1731 года. Текст грамоты издан в Полном Собрании Российских Законов, т. VIII, № 5699. Но так как старинные правительственные грамоты исполнялись художественно и нередко писались на пергаменте, при чем всегда снабжались большою государственною печатью из воскомастики, вложенною в особую круглую коробку, из серебра с позолотою, и привешенною к грамоте на шнурках, то отыскать эту грамоту, как и другие грамоты на ханское достоинство и наместничество разным лицам из калмыков, было бы очень интересно. Эти грамоты являются памятниками не малой художественной ценности. Они изготовлялись лучшими

придверными мастерами и, наверное, применительно к вкусам калмыцкого народа в расчете произвести впечатление на надежных до блеска кочевников самым даже внешним видом грамот.

3. Известно о нескольких грамотах на имя Дондок-Омбы. Между прочим, в 1736 году, когда Дондок-Омба считался еще в ранге Главного Управителя Калмыцким Народом, ему дана была пожалованная грамота по случаю участия в Русско-Турецкой войне. Грамоту на ханское достоинство Дондок-Омбо получил в 1737 году; тогда же ему были вручены знаки ханского достоинства: знамя, сабля, соболья шуба и соболья шапка.

4. В 1739 году Дондок-Даша, сын Чакторжана и внук Аюки, получил в С.-Петербурге, на отпускной придворной аудиенции, осыпанный алмазами портрет императрицы Елизаветы Петровны. По возведении в ханы в 1757 году, Дондок-Даша принял, надо полагать, те же знаки ханского достоинства, какие усвоены были его предшественнику по ханству, Дондок-Омбе. Если это были те же самые знаки, какие получил Дондок-Омба от русского правительства сколько же для себя, сколько и для своих преемников, то, всего вероятнее, эти знаки были увезены Убашой, сыном Дондок-Дашы, в Джунгарию в 1771 году, как государственная регалия, хотя и потерявшая уже значение с уходом калмыков из России. Иметь понятие о них возможно будет только по старинным зарисовкам, если таковые отыщутся. Но если Убаша захватил с собою инсигнии ханского достоинства и с ними, разумеется, пожалованный отцу портрет Елизаветы Петровны с алмазами, как подарки от двора, лично полученные Дондок-Дашой, которыми тот украшался, как собственностью, почему для него не было нужды в инсигниях, данных Дондок-Омбе, то — не потеряна надежда встретить ханскую саблю, шубу и шапку и пр. в роде потомков Дондок-Омбы, в семьях бывших князей Дондуковых и Дербетовых. У них же могут сохраняться и грамоты на имя Дондок-Омбы, как семейная реликвия.

5. Во всяком случае, в 1800 году, при восстановлении калмыцкого наместничества, возведенный в наместники Чучей получил от русского двора новые знаки своего достоинства: знамя, саблю, панцырь, шишак, соболью шубу и соболью шапку. Одновременно с этим, главе калмыцкого духовенства, Сабин-Ламе были пожалованы шуба и посох. И опять, о судьбе этих инсигний сведений не имеется.

6. В 1756 году было сформировано особое Ставропольское калмыцкое войско из калмыков, кочевавших у Ставрополя на Волге; оно было причислено к отдельному Оренбургскому корпусу. Ставропольскому калмыцкому войску дано было особое войсковое знамя и сотенные значки с изображением на них крепости Ставрополя, над нею — креста в сиянии и, по сторонам их, нерегулярных арматур. Рисунок был сделан И. И. Неплюевым, тогдашним оренбургским губернатором. С историко-археологической точки зрения, любопытно было бы взглянуть на изображение крепости Ставрополя половины XVIII века и сравнить его с современным городом Ставрополем на Волге, равно как и определить, что это за нерегулярные арматуры по сторонам изображения крепости Ставрополя? Не воспроизводилось ли в них старинное национальное вооружение калмыков, с которым они пришли из Джунгари в Россию?

Вот, пока все, что я имел в виду сообщить читателям, прежде всего, представителям калмыцкой интеллигенции о памятниках калмыцкой старины, сведения о которых можно было найти в печатной литературе. Хотелось бы считать калмыцкую интеллигенцию одною из главных творческих сил при создании Областного Калмыцкого Музея, и вот почему сообщение о вышеприведенных художественно-исторических памятниках я позволяю себе рекомендовать вниманию калмыцкой интеллигенции, в целях направить ее на разыскание этих и других, может быть, известных ей и аналогичных предметов калмыцкой старины и искусства.

Профессор Н. Пальмов.

6 апреля, 1921 года.
Астрахань.

Приказ Облотноарпроса.

§ 1.

Для увековечения памяти Объявления Автономии Калмыцкого Народа и во исполнение постановления Первого Всекалмыцкого съезда Советов учреждается Отнарпросом Областной Историко-Этнографический Музей.

§ 2.

На местах для разъяснения важности Музея и для руководства собиранием и разысканием предметов и памятников, необходимых Музею, — назначаются особые уполномоченные:

Л. К. Карненов — по району Большедербетовского улуса и прилегающей к нему территории Области, отошедшей от Сельского Округа.

Т. Д. Юрков — по району Манычского улуса и Ремонтинского уезда.

Б. Т. Тостаев — по Малодербетовскому улусу.

Уланов — по Харахусо-Икицихуровскому улусу.

Д. Р. Душан — по Эркетеневскому.

Катвыков — по Яндыко-Мочажному улусу.

Б. А. Шонхоров — по Калмыцко-Базаринскому и Хошеутовскому улусам.

Отхонов — по Багацехуровскому улусу. (Приволжского уезда).

§ 3.

Перечисленные лица уполномачиваются Облисполкомом: а) на ведение пропаганды, выясняющей значение Музея; б) на принятие всех законных мер, направленных к приобретению и предметов, и памятников исторического, этнографического художественного и архивного характера; в) на мобилизацию по соглашению с местными исполкомами — необходимых людей и перевозочных средств для работ по собиранию и доставке предметов Музея.

§ 4.

Уполномоченные обязуются не реже одного раза в два месяца осведомлять Отнарпрос о ходе работ, выполненных им во исполнение настоящего приказа и инструкций, публикуемых музейно архивной секцией Отнарпроса в „Красном Калмыке“.

Пред. Ц. И. К. Ливгаев.

Завоблотнарпрос В. Порох.

25 марта 1921 г.

